

Илья КРИШТУЛ живет в Москве. Автор юмористических рассказов, опубликованных в России: «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Солидарность», журнал «Юность» и за рубежом: «Наша Канада», «Флорида» и в других изданиях. В 2014 году вышли в свет два сборника рассказов Ильи Криштула — в Москве и Новокузнецке. Лауреат нескольких «сетевых» и «бумажных» конкурсов.

ЛЕДОРУБ ТРОЦКОГО

Телефон зазвонил резко, противно и неожиданно, так как был отключен три месяца назад за неуплату. К тому же было рано, часов двенадцать, и я, причисляющий себя к творческо-креативному гламурному бомонду, то есть к безработным иждивенцам, ещё спал.

— Масюкевич, Максим Александрович? — голос в трубке был резкий, противный, но властный.

Я ответил, что это я.

— Вас беспокоят из администрации президента России, моя фамилия Татаринцов, — продолжил голос.

— А президента России как фамилия? — спросил я.

— Мы вам телефон не для шуток подключили, Максим Александрович, — в голосе послышались стальные нотки. — Дело в том, что ваш дом очень удобно расположен. У вас же Первомайская, тридцать семь?

Я кивнул.

— Первый этаж?

Я снова кивнул.

— Всё правильно. Ваш дом — единственный, стоящий в глубине. Можно отследить подъезды, плюс спортплощадка, детская площадка, он это любит,

в общем, по нашему мнению и мнению охраны, идеальный вариант. Запомните: через неделю к вам, неожиданно для вас, для нас и для всей страны, в гости заедет президент. — Татаринов немного помолчал и продолжил: — Будет проезжать мимо и заедет. Вы понимаете, какая это честь и, в тоже время, ответственность?

Я задумался. У меня вчера в гостях Марат был, одноклассник, вот это была ответственность, не знаю, правда, насчёт чести. Сто двадцать килограммов живого веса, постоянно норовящие упасть то на стол с напитками, то на аквариум с рыбками.

— А как я его узнаю, президента вашего? — наконец спросил я.

— Во-первых, не только нашего, но и вашего тоже, — ответил Татаринов. — А, во-вторых, вы что, не знаете в лицо президента страны? Телевизор у вас есть?

Телевизор у меня был, но работал как тумбочка, что-то с ним случилось лет пять назад, а мастера вызвать нет ни времени, ни желания, ни денег. Я так этому Татаринову и ответил, особенно упирая на отсутствие денег.

— Хорошо. Через час к вам заедут наши сотрудники, ожидайте. А я приеду вечером, побеседуем.

Через час у меня под окном припарковалась неприметная «Газель» с надписью «Почта России», из неё вышли несколько человек и, не обращая внимания на домофон, зашли в подъезд. Я не стал дожидаться звонка, открыл дверь и сразу получил замечание.

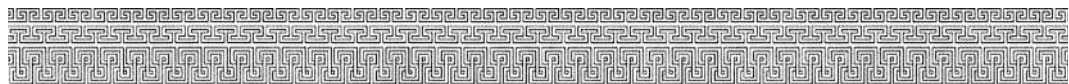
— А вот дверь, Максим Александрович, сами больше не открывайте, — сказал стоящий первым усатый мужчина в очках и зашёл в квартиру. — С сегодняшнего дня у вас не личная и приватизированная жилплощадь, а, понимаешь, государственный объект. Теперь здравствуйте. Меня зовут Сергей Леопольдович, я ваш куратор на эти семь дней. И ещё насчёт двери. Вообще до визита президента к ней не подходите. Вы кого-то ждёте?

— Вас ждал, — честно ответил я.

— Это приятно, нас, понимаешь, мало кто ждёт, — Сергей Леопольдович хмыкнул и продолжил: — Познакомьтесь.

Из моей комнаты вышла миловидная женщина с холодным взглядом и улыбнулась. От её улыбки у меня в голове застучал ледоруб Троцкого, под окном проехал грузовик режиссёра Михоэлса, а про то, как она оказалась там, где я недавно в одиночестве спал, я решил вообще не думать.

— Татьяна Борисовна, — представилась женщина. — Сестра вашей жены.

— Э... — сказал я, а заговорил опять Сергей Леопольдович:

— Президент захочет попить чаю с плюшками, кто его будет угощать? Вы умеете печь плюшки? А стол, понимаешь, накрыть? Тут же будет телевидение, первый канал, второй, журналисты... И что у вас с ванной? Вдруг он захочет руки помыть...

И Сергей Леопольдович пошёл в сторону ванной.

— Я насчёт жены... — кинулся я вслед за куратором. — Я же вроде как...

— Успокойтесь, Максим Александрович, — остановила меня новоявленная родственница. — Ваша жена появится через минуту и только на неделю, очень симпатичная девушка Лена. И давайте на ты, нам работать вместе. Я, кстати, приехала из Балашихи в гости к сестре. Работаю в страховой компании, менеджер. А вот и Лена.

В квартиру действительно зашла симпатичная высокая блондинка, и я сразу решил пошутить по поводу отдачи супружеского долга. К счастью, пошутить мне не дали.

— Майор ФСО Круглова, — командным голосом отчеканила блондинка, и ледоруб Троцкого снова застучал в моей голове, и где-то вдалеке заиграл радиоприёмник барда Галича, а шутить расхотелось навсегда. — Прикомандирована к вам в качестве супруги. Показывай, муж, кухню. Осваиваться будем...

Остаток дня мы осваивались, а вечером, как и обещал, приехал Татаринков. С ним приехали рабочие, сразу приступившие к ремонту ванной, и почти новый телевизор. Татаринков осмотрел квартиру, поговорил наедине с моими родственницами, с Сергеем Леопольдовичем и, видимо, остался доволен. Потом он подарил мне портрет президента в красивой рамке, и мы сели пить чай с плюшками. Плюшки были вкусны, чай сладок, но я не обратил на это никакого внимания. Я думал о телевизоре, о прекрасном плазменном телевизоре в серебристом корпусе со встроенным ДВД, с диагональю... Да это не важно, важно было другое: оставят ли его мне после визита? Ведь мой старый телевизор они уже вынесли на помойку. Или он на балансе ФСО, и они возьмут его по всем квартирам, которые посещает президент? А может, это вообще личный телевизор президента?

— О чём вы думаете, Максим Александрович? — вдруг спросил Татаринков. — Вам не нравятся плюшки? Или вы не хотите помочь нам, а, значит, и своей Родине?

И вновь застучал в голове ледоруб Троцкого, и раскрылся отравленный зонтик болгарина Маркова. Я решил оставить вопрос о телевизоре на потом, откусил плюшку и ответил:

— Плюшки нравятся. Помочь хочу. Просто я подумал, что есть более достойные люди... Вот надо мной, Паша и Маша, он банкир, она домохозяйка, двое детей... Я у них займы часто беру...

— Второй этаж не подходит. Он там будет как мишень в тире. К тому же президент страны в гостях у банкира — это не очень правильно, ему ж займы не нужны. А семья хорошая, мы знаем. Итак, президент приедет к вам ровно в десять утра и пробудет пятьдесят три минуты...

— У нас здесь по утрам пробки... — вставил я.

— В это утро пробок не будет, — твёрдо сказал Татаринов. — Да, совсем забыл, вам знакома гражданка Вережанская Виолетта Павловна, пятидесятого года рождения?

— Да, знакома...

— Шла к вам, мы попросили этого не делать. Проживёте неделю без гражданки Вережанской, к тому же пятидесятого года рождения?

— Проживу, конечно. Телевизор буду смотреть...

Мой слабый намёк остался без внимания, и Татаринов, достав из портфеля какие-то бумаги, продолжил:

— Вот запись вашей непринуждённой беседы с президентом. Главное — вам, как представителю творческой интеллигенции, нравится отношение президента к культуре, поэтому вы поддерживаете все его начинания в этой области. Вот список начинаний. Теперь жалобы. Их у вас одна: вы недовольны ростом тарифов ЖКХ, он отвечает, что только что подписал указ... Ну, словом, как всегда отвечает. Вот текст жалобы. Дальше наша-ваша жена наливает чай, угощает президента плюшками, которые сама испекла, президент пьёт, благодарит, встаёт, спрашивает, есть ли у вас какая-нибудь личная просьба к нему как к президенту страны. Тут важно: вы отвечаете, что есть. Потом излагаете эту вашу личную просьбу, вот, кстати, и её текст. Президент говорит, что он вас услышал, это такая специальная фраза для подчинённых, снова благодарит за плюшки и уезжает, а вы с чистой совестью приглашаете постаревшую ещё на неделю гражданку Вережанскую. Всё понятно?

— Понятно, — ответил я и взял отпечатанные листки с начинаниями, жалобой, личной просьбой и непринуждённой беседой. — Это всё наизусть учить?

— Вы, Максим Александрович, сами как думаете? — спросил Татаринцов интонацией, от которой застучал, застучал в голове ледоруб Троцкого, а перед глазами закачалась петля поэта Есенина.

Спалось мне в эту ночь плохо. Во-первых, жутко храпели на своих раскладушках моя жена майор ФСО Круглова и её сестра из Балашихи, чьё звание я так и не узнал, а, во-вторых, два молчаливых мужика, дежурившие в прихожей, каждые полчаса заглядывали в комнату и обводили её тяжёлым взглядом. Проснувшись с ощущением лёгкой арестованности, я посмотрел на президента в красивой рамке, поздоровался с ним и вышел на кухню. Жена-майор уже приготовила завтрак, сестра жены мыла сковородку, два молчаливых мужика в прихожей сдавали дежурство двум другим молчаливым мужикам, а за окном... За окном творилось необыкновенное. Свежевыкрашенным фасадом сиял дом напротив. Вокруг детской площадки за ночь выросли голубые ели, а на самой площадке дети с радостью катались на аттракционах, вывезенных, судя по всему, из Диснейленда. На спортплощадке играли в футбол вежливые ребята в костюмах-тройках и тёмных очках, переговариваясь между собой по рациям. Подтянутые, голубоглазые и светловолосые дворники мыли шампунем только уложенный асфальт, а молодые мамы с пустыми колясками ходили одновременно и на представительниц женской сборной России по самбо, и на участниц конкурса красоты. Редкие прохожие в плащах и шляпах совершенно не были похожи на прохожих и выглядели, если честно, как сотрудники ФСБ. Но я не стал об этом никому говорить и сел завтракать.

Через неделю, наконец, наступил день визита. В пять утра меня разбудила собачка спаниель, деловито обнюхивающая комнату, и её хозяин, делающий то же самое. С кухни доносился аромат свежее выпеченных плюшек и, дождавшись, когда человек с собакой обнюхают каждый сантиметр из моих жилых метров, я встал, дружески кивнул портрету и пошёл бриться-умываться, повторяя про себя давно выученный текст беседы с президентом. Потом я пил кофе, получая последние инструкции и наставления, надевал новый спортивный костюм и помогал прибывшим заранее телевизионщикам расставлять их аппаратуру, которая, кстати, расцарапала мне весь линолеум. А ровно в девять часов пятьдесят восемь минут моя квартира замерла, и во двор въехал кортеж президента.

Президент оказался приятным, улыбочивым и вполне свойским, извинился, что заехал без предупреждения, с удовольствием ел плюшки, много шутил про президента США, рассказал анекдот про борьбу с коррупцией, чем ужас-

но рассмешил мою жену-майора и её сестру, спросил у меня совета по поводу реформирования госструктур и внимательно выслушал жалобу на рост тарифов ЖКХ. Ответив точно по сценарию, что он только что подписал об этом указ, президент съел пятую плюшку, встал и спросил, глядя в глаза мне и одновременно в объективы всех телекамер:

— Ну а какая-нибудь личная просьба ко мне, как к...

— Есть, — твёрдо ответил я, не дослушав президента, и ледоруб Троцкого взбесился в моей голове, и в лицо уже летела струя цианистого калия националиста Бандеры. — Есть. Вы мне телевизор не оставите?

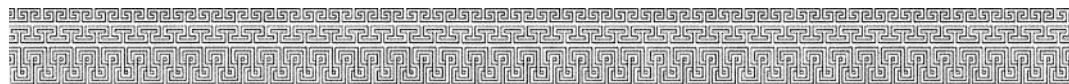
Проснулся я от непривычной тишины, но, к счастью, в своей кровати. Первое, что я увидел, был мой старый телевизор, стоящий на своём месте и выполняющий роль тумбочки. На нём лежало письмо-уведомление о повышении тарифов ЖКХ в два раза. Я вскочил и выбежал на кухню. Нет, никаких следов визита президента не было, даже крошек от плюшек, даже царапин на линолеуме от телевизионной аппаратуры, да и за окном... За окном всё было как всегда: на спортплощадке выгуливали своих собак соседи, гортанно переговаривались дворники-хлопкоробы, а на детской площадке, на качелях, поставленных ещё пленными немцами, сидела пара алкашей с бутылкой. «Как же так...» — подумал я, а вслух сказал:

— Как же так? Что ж это за власть такая, которая обманывает свой народ даже во сне? Власть подлецов во главе с президентом, который богатеет на бедах своего нищего народа! Указ о ЖКХ он подписал... Нет, только переворот, только революция спасёт эту страну от гибели! И если надо возглавить это революционное движение, то я...

В комнате раздался непонятный звук, как будто что-то упало-разбилось, и одновременно зазвонил дверной звонок. Я пошёл открывать, по дороге заглянув в комнату, и... Холодная липкая струйка медленно потекла по спине, а ужас заставил закрыть глаза. На полу, в осколках от разбитого стекла, лежал подаренный Татариновым портрет президента в красивой рамке. В дверь продолжали звонить, и я уже знал, кто за ней стоит, сжимая в руках ледоруб Троцкого. На ватных ногах я добрёл до двери, сказал последнее «прощай» своему отражению в зеркале, повернул ключ, зажмурился и прикрыл голову в ожидании удара. Но удара не последовало.

— Ты чего? — раздался голос Вережанской Виолетты Павловны, пятидесятого года рождения, и я открыл глаза.

Действительно, это была Виолетта Павловна, удивлённо глядящая на меня, а у её ног стояла запечатанная коробка с плазменным телевизором со встроенным DVD.

— Опустит руки и занеси телевизор, — скомандовала Виолетта Павловна.

— Откуда он у тебя? — слабо спросил я.

— Государство подарило, на сорокапятилетие трудовой деятельности. Там, на коробке, и наклейка специальная.

Действительно, на коробке была яркая наклейка с надписью «В. П. Вережанской в честь 45-летия трудовой деятельности на благо государства от этого государства».

— У меня же два телевизора есть, этот решила тебе отдать, а то живёшь, как в пещере, ни одного сериала не видишь, — продолжала говорить Виолетта Павловна. — С тобой и обсудить скоро нечего будет...

И я занёс коробку в квартиру.

Вечером мы лежали и смотрели «Новости». Показывали президента страны, который в каком-то городе зашёл в гости к простым людям и долго с ними беседовал, угощаясь плюшками. Простые люди, кстати, были очень похожи на моего куратора Сергея Леопольдовича и майора ФСО Круглову. Хотя, может, мне это лишь показалось...

— Всё-таки хороший у нас президент, и государство хорошее. Всё для народа делают: телевизоры дарят, плюшки едят... — пробормотала в полусне Виолетта Павловна. — Правда ведь?

Я вспомнил про яхты олигархов и про нищих пенсионеров, вспомнил про вымирающие деревни и про пятиэтажные коттеджи чиновников, про тарифы ЖКХ и про зарплату начальника этого ЖКХ... Но стучал в моей голове ледоруб Троцкого, и так уютно бубнил со стены новый телевизор...

— Правда, — громко ответил я не только Виолетте Павловне и, посмотрев на портрет президента в красивой рамке, добавил: — Завтра надо стекло вставить. И рамку подороже купить, из красного дерева с золотым напылением.

Я очень надеюсь, что меня услышали, и я буду жить долго. По крайней мере, дольше, чем Троцкий. Мужья майоров ФСО должны жить долго и счастливо. Хотя бы в своих снах...

